

Бунтарь и романтик

ЧАРЛЬЗ

Букеровски

Ма-
кула-
тура

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski
PULP

Copyright © 1994 by Linda Lee Bukowski
Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *Виктора Голышева*

Разработка серии и оформление обложки *Александра Кудрявцева*,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Буковски, Чарльз.

Б90 Макулатура / Чарльз Буковски; [пер. с англ. В. П. Голышева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Чарльз Буковски. Бунтарь и романтик).

ISBN 978-5-04-089218-1

«Макулатура» — последний роман Буковски, его лебединая песня, постмодернистская дань памяти классическому роману-нуар. Герой «Макулатуры», неудачливый частный детектив, получает заказ от самой Леди Смерть — узнать, вправду ли скандально знаменитый французский писатель Луи-Фердинанд Селин восстал из мертвых и разгуливает по Голливуду. Из груди детективной макулатуры Буковски складывает ей памятник — уникальный и запоминающийся надолго.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Голышев В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089218-1

1

Я сидел в своем кабинете, аренда кончилась, и Маккелви уже начал процедуру выселения. Стояла адская жара, кондиционер не работал. По моему столу ползла муха. Я протянул руку и ладонью выключил ее из игры. Вытер руку о штанину, и тут зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Да?

— Селина читали? — спросил женский голос.

Он звучал чувственно. У меня давно никого не было.

Годы.

— Селин, — сказал я. — Хм-м.

— Я разыскиваю Селина, — сказала она. — Он мне нужен.

Такой чувственный голос, меня прямо разобрало.

— Селин? — сказал я. — Дайте мне какие-нибудь сведения. Поговорите со мной, леди. Не молчите...

— Застегнитесь, — сказала она.

Я посмотрел на брюки.

— Как вы узнали? — спросил я.

— Не важно. Мне нужен Селин.

— Он умер.

— Нет. Найдите мне его. Он мне нужен.

— А если я найду только кости?

— Нет, дурак, он жив!

— Где?

— В Голливуде. Я слышала, что он крутится возле книжного магазина Реда Колдовски.

— Так почему вы сами его не найдете?

— Во-первых, я должна быть уверена, что это в самом деле Селин. Я должна знать это наверняка.

— Но почему вы обратились ко мне? В городе сотни детективов.

— Вас рекомендовал Джон Бартон.

— А-а, Бартон, ну да. Послушайте. Мне нужен какой-нибудь аванс. И я должен встретиться с вами лично.

— Буду у вас через несколько минут, — сказала она.

Она повесила трубку. Я застегнул ширинку. И ждал.

2

Она вошла.
То есть я хочу сказать — это просто нечестно. Платье обтягивало ее так, что чуть не лопалось по швам. Перебирает с шоколадками. А каблуки такие высокие, что смахивают на ходульки. Она шла, как пьяный калека, ковыляла по комнате. Головокружительная роскошь тела.

— Садитесь, леди, — сказал я.

Она села и закинула ногу на ногу, черт-те куда, чуть не вышибла мне глаз.

— Приятно видеть вас, леди, — сказал я.

— Пожалуйста, перестаньте пялиться. Ничего для себя нового вы не увидите.

— Тут вы не правы, леди. Можно узнать ваше имя?

— Леди Смерть.

— Леди Смерть? Вы из цирка? Из кино?

— Нет.

— Место рождения?

— Это несущественно.

— Год рождения?

— Не пытайтесь остричь...

— Просто хочу получить какие-то сведения...

Я как-то смешался, стал глядеть ей на ноги. Ноги для меня — первое дело. Это первое, что я увидел, когда родился. Но тогда я пытался вылезти. С тех пор я стремлюсь в обратную сторону, но без большого успеха. Она щелкнула пальцами.

— Эй, очнитесь!

— А? — Я поднял глаза.

— Речь о Селине. Помните?

— Ну конечно.

Я разогнул скрепку и концом показал на нее.

— Хорошо бы чек в оплату за услуги.

— Конечно, — она улыбнулась. — Сколько вы берете?

— Шесть долларов в час.

Она вынула чековую книжку, что-то нацарапала там, вырвала чек и кинула мне. Он спланировал на стол. Я поднял его. Двести сорок долларов. Таких денег я не видел с тех пор, как угадал в экспрессе в Голливудском парке в 1988 году.

— Спасибо, леди...

— ...Смерть, — сказала она.

— Да, — сказал я. — А теперь чуть-чуть подробнее об этом так называемом Селине. Вы что-то говорили про книжный магазин?

— Он околачивался в магазине Реда, листал книжки... спрашивал о Фолкнере, о Карсон Маккалерс, о Чарльзе Мэнсоне...

— Околачивается в книжном магазине? Хм.

— Да, — сказала она, — вы знаете Реда. Любит выгонять людей из магазина. Можете истратить там тысячу долларов, потом задержитесь на лишнюю минуту-другую, и Ред скажет: «А не убраться ли тебе к чертям?» Ред хороший человек, но с приветом. Короче говоря, он все время вышвыривает Селина. Селин идет в бар Муссо и сидит там грустный. Через день-два приходит снова, и все повторяется.

— Селин умер. Селин и Хемингуэй умерли тридцать два года назад. Один, и через день — другой.

— Я знаю о Хемингуэе. Хемингуэй у меня.

— Вы уверены, что это был Хемингуэй?

— О да.

— Так почему вы не уверены, что Селин в самом деле Селин?

— Не знаю. Какой-то у меня с ним затор. Никогда такого не было. Может, я слишком долго в этом бизнесе. И вот пришла к вам. Бартон вас хвалит.

— И вы полагаете, что настоящий Селин жив? Он вам нужен?

— Ужасно, малыш.

— Билейн. Ник Билейн.

— Хорошо, Билейн. Мне нужна определенность. Что это в самом деле Селин, а не какой-то недоделанный хотень. Слишком много их развелось.

— Мне ли не знать.

— Так приступайте. Мне нужен лучший писатель Франции. Я долго ждала.

Она встала и вышла вон. Никогда в жизни я не видел такого зада. Не поддается описанию. Не поддается ничему. Не мешайте мне сейчас. Я хочу о нем подумать.

3

На другой день я отменил свое выступление перед Торговой палатой в Палм-Спрингсе.

Шел дождь. Потолок протекал. Дождь капал сквозь потолок — плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, плям, плям, и плям, и плям, плям, и плям, и плям, плям, плям, плям...

Я согревался с помощью sake. Но как согревался? До нуля градусов. Вот мне пятьдесят пять лет, а у меня нет горшка, чтобы подставить под капель. Отец предупредил меня: кончишь тем, что будешь спускать в кулак. На чьем-нибудь чужом крылечке в Арканзасе. Ну, время еще есть. Автобусы туда отправляются каждый день. Только у меня от них запор, и там всегда храпит какой-нибудь старпер с вонючей бородой. Пожалуй, лучше заняться делом Селина.

Селин ли Селин или кто-нибудь еще? Иногда мне казалось, что не знаю даже, кто я такой. Ладно, я Ники Билейн. Но это не точно. Кто-нибудь заорет: «Эй, Гарри! Гарри

Мартел!» И я, скорее всего, откликнусь: «Да, в чем дело?» В смысле — я могу быть кем угодно, какая разница? Что в имени тебе моем?

Жизнь — странная штука, правда? В бейсбольную команду меня всегда включали последним — знали, что могу запулить их паршивый мяч к чертовой матери в Денвер. Завистливые хорьки!

Я был талантлив, и сейчас талантлив. Иногда я смотрел на свои руки и видел, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. И чем же занимались мои руки? Чесали яйца, выписывали чеки, завязывали шнурки, спускали воду в унитазе и т. д. Прошляпил я свои руки. И мозги.

Я сидел под дождем.

Зазвонил телефон. Я вытер его насухо просроченным извещением из Налогового управления, поднял трубку.

— Ник Билейн, — сказал я. Или я Гарри Мартел?

— Это Джон Бартон, — раздалось в трубке.

— Да, вы меня рекомендовали, спасибо.

— Я наблюдал за вами. У вас есть талант. Немного не отшлифованный, но в этом его прелесть.

— Приятно слышать. Дела идут плохо.

— Я наблюдал за вами. Все наладится, надо только потерпеть.

— Да. Чем могу служить, мистер Бартон?

— Я пытаюсь разыскать Красного Воробья.

— Красного Воробья? Что еще за птица?

— Я уверен, что он существует. Просто надо его найти, я хочу, чтобы вы его нашли.

— Ниточки какие-нибудь есть?

— Нет-нет, но я уверен, что Красный Воробей где-то там.

— У этого Воробья есть имя или как?

— В каком смысле?

— В смысле — имя. Ну, Генри или Абнер. Или Селин?

— Нет, это просто Красный Воробей, и я не сомневаюсь, что вы можете его найти. Я в вас верю.

— Это будет стоить вам, мистер Бартон.

— Если найдете Красного Воробья, я буду платить вам сто долларов в месяц до конца жизни.

— Хм-м... Слушайте, а может, дадите все вперед — чохом?

— Нет, Ник, вы спустите их на бегах.

— Хорошо, мистер Бартон, дайте мне ваш номер телефона, и я этим займусь.

Бартон дал мне номер телефона и сказал:

— Я очень на вас надеюсь, Билейн.

И повесил трубку.

Так, дела пошли на лад. Но потолок протекал еще сильнее. Я стряхнул с себя несколько капель, врезал sake, скрутил сигаретку, зажег, вдохнул и закашлялся от дыма. Потом надел мой коричневый котелок, включил автоответчик, медленно подошел к двери, открыл ее... Там стоял Маккелви. У него была широченная грудь и плечи, словно подбитые ватой.

— Твоя аренда кончилась, гнида! — рявкнул он. — Выметайся отсюда в жопу!

Тут я обратил внимание на его брюхо. Оно напоминало мягкую гору дерьма, и кулак мой утонул в ней. Маккелви согнулся пополам, я встретил его лицо коленом. Он упал,

откатился в сторону. Отвратное зрелище. Я подошел, вытащил его бумажник. Фотографии детей в порнографических позах.

«Не убить ли его», — подумал я. Но вместо этого взял его кредитную карточку «Золотая виза», пнул его в зад и спустился на лифте.

Решил пойти в магазин Реда пешком. Когда я на машине, меня вечно штрафуют за неправильную парковку, а платные стоянки мне не по карману.

Я шел к Реду в угнетенном настроении. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Болтаешься и ждешь. Ждешь маршрута А. Августовским вечером ждешь пару больших грудей в гостиничном номере Лас-Вегаса. Ждешь, когда заговорит рыба. Когда свистнет рак. Болтаешься.

Ред был на месте.

— Тебе повезло, — сказал он, — разминулся с этим пьяницей Чинаски. Приходил тут, хвастался своей новой серией марок.

— Это ладно, — сказал я. — У тебя есть подписанный экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера?

— Конечно.

— Сколько стоит?

— Две тысячи восемьсот долларов.

— Я подумую...

— Прошу прощения, — сказал Ред.

Он повернулся к человеку, листавшему первое издание «Домой возврата нет»:

— Пожалуйста, поставьте книгу в шкаф и убирайтесь к чертовой матери!

Это был хрупкий человечек, весь согнутый. И одет в какой-то желтый резиновый костюм.

Он поставил книгу в шкаф и прошел мимо нас к двери; глаза у него были на мокром месте. А дождь на улице перестал. Желтый резиновый костюм был ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

— Можешь представить, некоторые из них приходят сюда, облизывая мороженое!

— Могу представить себе кое-что похуже.

Тут я заметил, что в магазине еще кто-то есть. Он стоял в глубине. Я, кажется, узнал его по фотографиям. Селин. Селин?

Я медленно подошел к нему. Совсем близко. Уже мог разглядеть, что он читает. Томас Манн. «Волшебная гора».

Он увидел меня.

— У этого парня проблема, — сказал он, подняв книгу.

— Какая же? — спросил я.

— Он считает скуку Искусством.

Он поставил книгу на полку и стоял передо мной, похожий на Селина...

Я посмотрел на него.

— Это поразительно, — сказал я.

— Что?

— Я думал, вы умерли, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

— Я думал, что вы тоже умерли, — сказал он.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

Потом я услышал Реда.

— Эй, ты! — заорал он. — УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

Нас было только двое.

— Кому из нас убираться? — спросил я.

— ТОМУ, КОТОРЫЙ ПОХОЖ НА СЕЛИНА! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

— Но почему? — спросил я.

— Я СРАЗУ ВИЖУ, КОГДА ОНИ НЕ СОБИРАЮТСЯ ПОКУПАТЬ!

Селин, или кто он там, направился к выходу. Я за ним.

Он пошел к бульвару, остановился у газетного киоска.

Сколько помню, этот киоск стоял там всегда. Я вспомнил, как двадцать или тридцать лет назад подцепил там трех проституток. Я отвел их всех к себе домой, и одна дровичла моей собаке. Им это казалось забавным. Они были пьяные и на колесах. Потом одна проститутка пошла в ванную, упала там, разбила голову об унитаз и все вокруг залила кровью. Я подтирал за ней большими мокрыми полотенцами. Потом уложил ее в постель, посидел с остальными, и наконец они ушли. Та, что в постели, пробыла еще четыре дня и четыре ночи, выпила все мое пиво и без конца говорила о своих двух детях в восточном Канзас-Сити.

А этот человек — Селин (?) — стоял у киоска и читал журнал. Подойдя ближе, я разглядел, что это «Нью-Йоркер». Селин (?) положил его на место и посмотрел на меня.

— У них только одна проблема.

— Какая?

— Они просто не умеют писать. Ни один из них.

Мимо проезжало пустое такси.

— ЭЙ, ТАКСИ! — крикнул Селин.